

ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

И.В.Чепурина

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского

Эмотивные глаголы русского языка рассматриваются в лингво-когнитивном аспекте.

Ключевые слова: эмотивные глаголы, эмотивный смысл, лингво-когнитивный потенциал, деривация.

Емотивні дієслова російської мови розглядаються у лінгво-когнитивному аспекті.

Ключові слова: емотивні дієслова, емотивний зміст, лінгво-когнитивний потенціал, деривація.

Russian emotive verbs are looked though the cognitive linguistics aspects.

Key words: emotive verbs, cognitive linguistics, derivation.

Предметом нашего исследования являются глаголы с семой эмотивности в логико-предметной части. При этом эмоциональные смыслы передаются ядерным компонентом (*тосковать* - «испытывать тоску»; *обожать* «питать к кому-, чему-л. чувство сильной, доходящей до преклонения любви») или конкретизирующим, где в статусе дифференциальных сем они уточняют содержательно различные (неэмотивные) категориально-лексические семы (*пробудить 3* - «вызвать к жизни, возбудить (чувство, желание и т.п.); *мечтать* - «создавать мысленный образ чего-л., представление о чем-л. желаемом, приятном»). Подтверждение возможности такого подхода находим у Э. Сепира: «... у большинства слов, как вообще у всех элементов сознания, есть свой побочный чувственный тон, слабый. Но отнюдь не менее реальный, а порою даже предательски могущественный отголосок удовольствия и страдания» [1, с.32]. В пользу этого говорят наблюдения ученых, в частности Г.М. Кафтоновой, в отношении того, что в значении слова неизбежно оживают следы прежней деятельности человека, сопровождавшейся той или иной эмоциональной реакцией [2, с. 125], и М.Д. Цыпиной (Лейн) о том, что эмоциональный (в терминологии автора эмоционально-логический) видовой признак понятия может относиться либо к родовому эмоциональному признаку, либо к иному, неэмоциональному предметно-логическому признаку. В последнем случае эмоциональный признак находится «в понятии, имеющем систему с опосредованием», и, таким образом, «участвует в системообразующем отношении не непосредственно, а опосредованно, через другие признаки» [3, с. 100 - 106]. Наконец, данный принцип определения эмотивной лексики предложен представителями свердловской семантической школы, в частности Л.Г. Бабенко в работе «Лексические средства обозначения эмоций в русском языке». Автор называет эмотивным такое значение, в семной структуре которого содержится сема эмотивности того или иного ранга, т.е. это значение, в котором каким-либо образом представлены эмотивные смыслы [4, с. 16]. Справедливо, на наш взгляд, мнение о том, что различные роли эмоционального признака в разных понятиях создают «иллюзию его качественной неоднородности и вводят в

заблуждение сторонников непонятной природы эмоции в словах (значениях слов) на языковом уровне» [3, с. 105].

Методика выявления эмотивных глаголов - сплошная выборка из словаря с учетом дефиниций, содержащих разного рода указания на эмоцию.

Эмотивная лексика ситуативна в своей денотативной основе, так как эмоции нерасторжимо связаны с субъектом, их испытывающим, и объектом, их вызывающим. Глагол является частью речи, наиболее приспособленной для отражения эмоций: он обязательно ориентирован на сферу субъекта или на сферу объекта [5, с. 138]. Это определяет «драматургичность», «событийность» глагольной семантики, наиболее адекватно отражающей ситуации действительности, чем, очевидно, и объясняется преобладание глагольной эмотивной лексики. Именно глагол как стилистически и семантически богатая категория располагает большими возможностями для изображения чувств в разнообразных ракурсах и оттенках. Эмоции передаются глаголом как состояние (*горевать, мучиться, скучать, злиться*) и как становление состояния (*расстроиться, пресытиться², мрачнеть²*), как отношение (*ненавидеть, жалеть, обожать*) и как воздействие (*смешить, мучить, злить, томить*), а также как внешнее проявление эмоций (*смеяться, целовать, стонать²*). Следовательно, языковая модель эмоционально-психической деятельности такова, что в ней эмоции предстают не как самодовлеющие абстрактные величины, а как различные субстанциональные сущности. Номинации этих сущностей Л.Г. Бабенко относит к разряду суперклассификаторов, которые «составляют один из важнейших подклассов лексики в целом, ее «соединительную ткань» [4, с. 80]. Они отражают таксономию, существующую в «картине мира», представленной в естественном языке» [6, с. 150]. Языковое представление эмоций как субстанциональных сущностей («состояние», «становление», «отношение», «воздействие», «внешнее проявление») определяет специфику исследуемой лексико-грамматической группы.

В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что каждая лексико-семантическая группа не является строго изолированным образованием, между глаголами разных групп существуют смысловые связи. «Семантические поля не разделены жесткими преградами, - пишет А.М. Кузнецов, - и часто взаимодействуют друг с другом», по мере приближения к периферийным областям смысловые связи в центре поля могут значительно ослабляться, «образуя зоны семантического «возмущения», в которых отдельные элементы поля ... либо вовсе отрываются от него, либо становятся принадлежностью сразу двух или нескольких семантических полей» [7, с. 16, 17].

Связь эмоциональных глаголов с глаголами других полей осуществляется главным образом следующими способами: 1) через ядерные и периферийные компоненты того или иного семантического класса. Так, например, связаны многие глаголы эмоционального состояния и отношения с полями речи, поведения, интеллектуальной деятельности, восприятия и др. Это объясняется известным положением о том, что эмоциональные процессы являются своеобразной составляющей психических состояний человека наряду с волевыми проявлениями и интеллектуальными состояниями. К числу эмоциональных явлений, связанных с волевой деятельностью человека, относятся такие, как решительность и нерешительность, уверенность и неуверенность, желание, надежда и др. С умственной деятельностью связаны любопытство,

сомнение, скука, апатия, озадаченность, удивление, изумление, недоумение и пр. «Мы никогда не говорим и не мыслим абсолютно рассудочно, - пишет Ш. Балли, - но, с другой стороны, эмоциональная доля мысли может быть настолько мала, что ее языковое выражение практически следует зачислить в категорию логического знака. Но верно также и обратное: чувство может господствовать настолько, что идея кажется сведенной к нулю...» [8, с. 23]. Ср.: **презирать** - «относиться с неуважением к кому-л. и считать кого-л. недостойным уважения, внимания и т.д.», **любоваться** - «испытывать восхищение, удовольствие, наблюдая чью-л. деятельность, поступки», **раскаяться** - «почувствовать сожаление по поводу своего поведения, признать его ошибочным или дурным», **обмануться** - «заблуждаясь, испытать разочарование в ком-, чем-л.», **увлечься** - «всцело отдаться какому-л. занятию, переживанию и т.п.; оказаться захваченным чем-л.». Помимо указанных трех классов психологической триады (эмоции - воля - интеллект) вычлняются и так называемые сквозные психические процессы, объединяющие предыдущие с такими, как память, внимание, воображение, речь, поведение ...» [9, с. 10]. Ср.: **позорить** - «компрометировать кого-л. своими поступками или посредством речи», **проклясть** - «жестоко выругать, подвергнув брани, осуждая, выражая гнев, негодование», **мечтать** - «создавать мысленный образ чего-л., представление о чем-л. желаемом, приятном» и т.д.;

2) через корреляции прямых и переносных значений. Имеется ряд фундаментальных работ, в которых раскрывается образная основа эмотивной лексики, своеобразие ее семантической структуры и функционирования [6;10; 11;12;13]. Авторы этих работ сходятся в едином мнении: пополнение лексики непредметного мира, в том числе и мира чувств, осуществляется по преимуществу за счет конкретной лексики. Анализ внутренней «обратной связи» вторичных эмотивных значений с их первичными производящими значениями обнаружил определенные тенденции в пересеканности эмотивной лексики. Так, согласно нашим исследованиям, универсальный способ ассоциативно-образного изображения эмоций - использование наименований с семантикой уничтожения/разрушения, движения; физиологического состояния и болезни, температурных характеристик, отделения/разделения. Эта лексика составляет около 60% от общего числа метафорически-производных эмотивных значений. Выявлены также определенные закономерности в пересеканности денотативных классов эмоций с различными лексическими группами. Так, денотативный класс «горе» активно пересекается с лексикой уничтожения (*казнить 3, душисть 2, грызть 2, 3, заклевать 2, затравить 3* и др.), повреждения (*надорваться 3, надломиться 2, раздирать 3* и т.п.), болезни (*болеть 2, переболеть 2*), физиологического жеста (*понюхать 3, хлебнуть 3*), звучания (*стонать 2*), горения (*палить 6, пропечь 3*), исчезновения (*сохнуть 3, таять 2*). Таким образом, горе, как самое трагическое и тяжелое чувство, ассоциируется в человеческом сознании с разрушением, уничтожением, болью. Чувство беспокойства соотносится в первую очередь с представлениями о горении (*сгореть 6, зажечь 3, разжечь 2, накаляться 2, распалиться 2* и др.), с движением (*всколыхнуться 2, трястись 2* и др.), физиологическим состоянием и жестом (*горячиться 2, лихорадить 2, охмелеть 2* и др.). Лексика грусти пересекается с лексикой давления (*гнести 3, давить 2, теснить 2*), падения (*поникнуть 2*), цвета (*темнеть 3, мрачнеть 2*). Чувство злости ассоциируется с действиями и признаками отдельных животных (*окрыситься, оцетиниться 2*),

с болью и болезнью (*язвить 2, жалить2*), кипением жидкого вещества (*кипятиться 3, пузыриться 3*) и т.д. Подобным образом можно рассмотреть все денотативные классы эмотивной лексики и обнаружить, что каждое конкретное чувство имеет специфику образного изображения, которая, в частности, проявляется в уникальных связях с другой лексикой. В таких частных закономерностях отражаются особенности общечеловеческой культуры, характерные интеллектуальные ассоциации и вместе с тем выявляются специфические черты каждого отдельного языка и культуры, отражаемой в нем [14, с. 489].

Отмечается, что речевая модель эмоциональной деятельности, представленная вторичными номинациями, в целом повторяет языковую модель этой деятельности, но имеет иное внутренне соотношение семантических классов [4, с. 82]. Вторичные номинации некоторым образом выравнивают асимметрию в системе первичных номинаций эмоций: уменьшается доля лексики эмоционального состояния, увеличивается доля лексики становления эмоционального состояния, эмоционального отношения и внешнего выражения эмоций. «Речь компенсирует семантическую недостаточность языковых лексических средств в изображении эмоций и пополняет вторичными номинациями те семантические классы, которые характеризуются низкой семантической представленностью» [там же].

Специфика исследуемого класса глаголов определяет разнообразие их смыслового содержания, эмоциональной и стилистической окраски. Анализ эмотивов с этих позиций позволил определить структуру данного лексического множества, выделил его ядро и периферию. Их образуют следующие группы:

1. Глаголы с исконно первичной эмоциональной семантикой. Они представляют ядро исследуемой ЛСГ. Содержательная природа таких слов, закрепленная в лексической семантике, соответствует их семантико-синтаксической функции в речи. Преобладают эмотивы со значением состояния - *горевать, грустить, тужить, скорбеть, страдать, жалеть, гневаться, ликовать, досадовать, трусить, скучать, гордиться, радоваться, веселиться, опасаться* и пр.; эмоционального воздействия - *ожесточить, гневить, забавлять, огорчить, угодить, мучить, томить, терзать, влюбить, страшить, стыдить, ужасать, тревожить, печалить, сердить, соблазнить* и др., реже встречаются наименования со значением отношения - *любить, жалеть, боготворить, лстить, почитать, брезговать* и т.д.

Как правило, такие глаголы образованы от именных основ с первичным значением чувства, состояния. Ср.: *страх - страшить, гнев - гневить, грусть - грустить, скорбь - скорбеть, стыд - стыдить, досада - досадовать, ужас - ужасать, горе - горевать, скука - скучать, веселые - веселить, жестокий - ожесточить* и пр.

Значительную часть этой группы составляют генетические, или этимологические, метафоры, исторически производящее слово которых вышло из употребления или разошлось по значению с производным. Ср.: *обожать* (первоначально «почитать богом»), *кичиться* (первоначально «поднимать голову»), *опешить* (от «стать пешим»), *удручить* (первоначально «ударить палкой»), *ошеломить* (от «сбить шлем»), *восхитить* (первоначально «уносить насильственно, хватать»), а также *истязать, забавлять, бояться, надоесть*,

завидовать, ненавидеть, пренебречь, презреть, благоговеть, благоволить, гнушаться, обидеть, тешить, изумить, дразнить, занимать и т. д.

Семантическая сложность рассматриваемых единиц позволяет выделить слова, которые в равной степени можно отнести и к классу номинаций физиологических реакций или состояний, и к классу эмотивных номинаций, например, *плакать, рыдать, прослезиться, улыбаться, хихикать, хохотать, нежиться* и др. Сложность семантики этих слов создается сочетанием двух равноправных категориально-лексических сем. В предикате могут быть так тесно объединены указания на психическую и физическую реакции человека, а физическая реакция оказывается столь комплексной, что создаются лексикографические трудности, связанные с выбором родового понятия [15]. Мы склонны это множество слов включать в эмотивную лексику, и в названных глаголах выделять первичное эмоциональное значение, так как, на наш взгляд, категориально-лексическая сема эмотивности в них коммуникативно весомее.

Похожие логико-семантические отношения свойственны ряду глаголов речевого воздействия, например, *ругать, грозить, ворчать, бранить, корить, укорять, упрекать, клеветать, насмехаться, молить, ободрять, хвалить, льстить* и т.д. Е.М. Вольф, исследуя прагматический потенциал подобных единиц, относит их к разряду глаголов интерпретации, описывающих «не само действие, а лишь иллюкутивную цель или перлокутивный эффект» [6, с. 178]. В связи с чем указание на речевой процесс, описание эмоционального состояния и иллюкутивная программа в таких глаголах могут рассматриваться как основные компоненты лексического значения. Ю.Н. Караулов, размышляя о трудностях исчисления логико-семантических отношений в дефиниции, отмечал в качестве одной из них возможную «неоднозначность идентификации, когда с равными основаниями одно и то же отношение может быть квалифицировано как принадлежащее к разным типам» [16, с. 309].

Эмоциональные значения глаголов данной группы являются деривационно значимыми в дальнейшем словообразовательном процессе. Данный фактор подтверждает ядерную позицию описанных единиц. Ср.: **огорчить** → *огорчение, огорчитель, огорчительный, огорченный (прил.), огорчиться, огорчаться*; **угодить** → *угода, угодник, угодливый, угождать*; **хвалить** - *хвала, хваленый, хвалиться, похвалить, захвалить, нахвалить, перехвалить ...*; **ругать** → *ругание, ругань, руготня, ругня, ругатель, ругательный, ругаться, поругать, заругать, наругать, переругать; ...*; **рыдать** → *рыдание, рыдалец, радающий (прилаг.), зарыдать, порыдать, прорыдать, нарыдаться ...* и т.д.

2. Вторичные метафорические предикаты эмоций с погасшей образностью. Они представляют ближайшее окружение центра описываемого лексического множества. Ср.: **трепетать1** - «быть охваченным мелкой дрожью; колебаться, дрожать, содрогаться» (*листва трепещет*) → **трепетать2** - «быть охваченным внутренней дрожью, волнением от какого-л. сильного чувства» (*трепетать от счастья*); **ущемить1** - «сжать между чем-л.; сдавливая с двух сторон; защемить» (*ущемить палец*) → **ущемить 2** - «причинить нравственную боль, обиду, страдание» (*ущемить самолюбие*); а также *щемить, сокрушить, пленить, поразить, заколдовать, окрылить, волновать, смутить, дрожать, угрызать, содрогнуться, известись, отозваться, откликнуться, онеметь, цепенеть, теряться, упиваться* и др. Значения этих слов, возникшие как переносные, со временем утратили (или утрачивают) это качество. Этому

способствует частое употребление переносного значения, благодаря чему семантическая двуплановость стирается и оно становится одним из неосновных прямых значений. Названные глаголы «впитали» в себя свойственную им изначально образность и она перестала ощущаться [17]. В то же время необходимо учитывать, что восприятие степени образности разными людьми оказывается весьма индивидуальным.

Первичные значения в структуре названных глаголов по сравнению с производными нередко являются менее употребительными, функционально ущербными (ср. *волновать*, *угрызать*, *пленить*, *сокрушить*, *щемить*, *ущемить*), имеют устаревший оттенок (ср. *уязвить 1* «уст. Нанести рану кому-л.»; *поразить 1* «устар. Нанести удар оружием, убить»; *окрылить 1* «устар. Давать крылья»; *смутить 1* «устар. Вызвать смуту, волнение, мятеж; взбунтовать»). По причине устаревания исходных метафорически мотивированные значения могут оказаться единственными в структуре исследуемых глаголов и восприниматься в качестве прямых необразных наименований. Ср.: **унизить** - «задеть, оскорбить чье-л. самолюбие, достоинство; поставить в унизительное положение кого-л.»; **расхолодить 1** - «заставить относиться более холодно, равнодушно к кому-, чему-л., ослабить силу и живость чувств». Словарь В. Даля фиксирует исходные прямые значения, ранее свойственные данным глаголам: **унизить** - «понизить, опустить или делать ниже, убавить высоты»; **расхолодить** - «развести холодной водой, прохладить, остудить, прибавкою холодной жидкости». Так, закрепление ассоциативных признаков - процесс исторический, поэтому многие ассоциации, объективно закрепленные в словах, могут казаться немотивированными с точки зрения современного восприятия существующих предметов и явлений.

Эмоциональные значения данной группы глаголов часто служат стимулом в словообразовательном процессе. Ср.: **волновать** → *волнение*, *волнительный*, *волнующий* (прилаг.), *волноваться*, *взволновать*, *поволновать*, *переволновать*, *разволновать*; **пленить** → *пленитель*, *пленительный*, *плениться*, *пленять*; **унизить** → *унижение*, *унизительный*, *унизиться*, *унижаться* и т.д. Наличие словообразовательной парадигмы может использоваться как критерий для определения близкого и дальнего окружения центра исследуемой лексики, ее периферии.

3. Еще более отдалены от центра вторичные метафорические предикаты эмоций с живой образностью. Это многозначные глаголы с более современными и поэтому всегда мотивированными, вторичными эмоциональными значениями. Они обобщаются за счет появления новой денотативной семы более абстрактного характера и конкретизируются, порождая образное представление эмоций [4, с.83]. Ср.: **опьянеть 1** - «стать пьяным» → **опьянеть 2** - «прийти в восторженное, возбужденное состояние»; **трястись 1** - «качаться, колебаться, дрожать» → **трястись 5** - «бояться кого-, чего-л.; трепетать» и т.д.

Данная группа наиболее четко иллюстрирует связь эмотивной лексики с другими лексическими множествами.

4. Расширяют объем исследуемой группы, составляя ее периферию, глаголы с ярко выраженной эмоционально-стилистической окраской типа *звереть*, *зверствовать*, *вызвериться*, *сатанеть*, *стервенеть*, *остолбенеть*, *бесить*, *бычиться* «быть угрюмым; хмуриться», *крыситься*, *окрыситься*, *рассобачиться*, *собачиться*, *миндальничать* и т.д. Подобные слова имеют ассоциативное значение, содержащее сравнение с тем, что названо производящим

словом. Так, у *собачиться* значение «ругаться, браниться» содержит сравнение с собакой («как собаки»), отсутствующее в толковых словарях. В денотативное значение входят те компоненты, которые образуют семантические ассоциации производящего слова («громкий лай»). Глагол *крыситься* - «злиться на кого-то» - мотивирован семантическими ассоциациями слова *крыса* («вред», «опасность», «неприятнь»), в глаголе *остолбенеть* «стать неподвижным от сильного потрясения, удивления» («как столб») значение мотивируется ассоциациями слова *столб* («неподвижность», «вкопанный»). В основе значения глагола *миндальничать* - «быть сентиментальным, приторно-ласковым; нежничать» - семантические ассоциации исходного *миндаль* («сладковатый», «розово-белый», «нежный») и т.д. В.В. Лопатин [18, с. 55] отмечают в таких словах метафорическую мотивацию, Е.А. Земская - ассоциативную, переносную и образную мотивации. Разграничение переносной и образной мотивации Е.А. Земская (Земская Е.А. Виды семантических отношения словообразовательной мотивации // Wiener Slavischer Almanach/ Bd. 13.) основывает на наличии/отсутствии у мотивирующего устойчивых семантических ассоциаций: у *школьничать* - переносная мотивация (ср. «ребячество, легкомыслие» - устойчивые ассоциации слова *школьник*), у *лизоблюд* - образная мотивация, так как образность этого слова возникла из прямого значения сочетания слов *лизать блюдо*. И.С. Улуханов, не выделяя разновидностей, рассматривает ассоциативно-сравнительную мотивацию как результат преобразования отсутствующего у мотивата прямого значения в переносное [19, с. 85]. Ср.: **зверь** → ***звереть** - «превращаться в зверя» → **звереть** - «приходить в бешенство, ярость; ожесточаться», **зверь** → ***зверствовать** «совершать действия, свойственные зверю» → **зверствовать** - «поступать крайне жестоко, свирепствовать» (ср.: **беситься 1** - «Заболеть бешенством» → **беситься 2** - «Быть в крайнем гневе, раздражении; неистовствовать»). М.Н. Янценецкая относительно данных единиц отмечает эмоционально-экспрессивную оценку мотиватора, переходящую в производную единицу, но без сохранения сколько-нибудь ощутимой семантической связи между ними [20, с. 53]. Такие слова она характеризует как результат высшей степени фразеологизации производного слова, нарушающей принципы двусторонней (формально-семантической) словообразовательной мотивированности. Изложенные трактовки определяются ориентацией исследователей на семантическое взаимодействие производного и производящего слова.

Большинству ассоциативно-сравнительных эмотивов свойственна яркая негативная оценка, ср.: *звереть*, *зверствовать*, *вызвериться*, *сатанеть*, *стервенеть*, *бесить*, *окрыситься*, *рассобачиться*, *бычиться*, *ехидствовать*. Интересна интерпретация подобных единиц с позиций когнитивной ономазиологии. При когнитивном освещении явлений мотивации данные наименования рассматриваются как модусно мотивированные. Модус - важный компонент пропозиции в ментально-психонетическом комплекс, коррелирующий с психическими функциями эмоциональных ощущений, чувствований, переживаний, которые закрепляются в оценке концепта [21, с. 169]. Человек всегда оценивал окружающий мир и самого себя в этом мире, тем самым создавая базу для когнитивной оценочно-эмоциональной категоризации. Концептуальная организация модуса принадлежит к высшему уровню иерархии концептов: любой объект помещается в одну из точек шкалы «хорошо - нейтрально - плохо». Это

нашло отражение в языке как в сфере модификатов (*кислый - кислятина, злой - злющий*), так и в мутационных отношениях мотивированных знаков. Согласно когнитивной ономастологии, глаголы **звереть** - «приходить в бешенство, ярость; ожесточаться», **зверствовать** - «поступать крайне жестоко, свирепствовать», **вызвериться** - «наброситься на кого-л.», **рассобачиться** - «плохо себя вести», **окрыситься** - «злобно, раздраженно ответить; рассердиться на кого-л.», **ехидствовать** - «зло насмехаться, язвить», **бесить** - «приводить в крайнее раздражение, ярость; сильно сердить», **стервенеть** - «приходить в крайнюю степень ярости, неистовства; свирепеть», **сатанеть** - «становиться злобным, бешеным, впадать в неистовство», **бычиться** - «быть угрюмым; хмуриться», **павлиниться** - (устар.) «принимать надменный, спесивый вид, гордиться, чваниться» и т.д. рассматриваются как метафоры, формирующиеся на основе рефлексов бессознательного [21, с.147]. Не случайно Ф. Ницше называл метафору маленьким мифом и объяснял ее инстинктами человека. Х. Ортега-и-Гассет считал метафору орудием мысли, отмечая, что её постижение способствует достижению самых отдаленных уголков нашего концептуального поля [22]. К. Юнг рассматривал метафорические символы как проявление архетипов бессознательного (подсознания) [23]. Например, огонь как символ очищения, животные как символы различных сущностей возводятся к архетипам подсознания.

С.Н. Булгаков, известный религиозный мыслитель, писал: «Человек есть всеживотное и в себе содержит как бы всю программу творения. В нем можно найти и орлиность и львиность и другие душевные качества, образующие основу животного мира, этого спектра, на который может быть разложен белый цвет человечества» [24, с. 249]. Так, еще из старославянского языка заимствован глагол **гнушаться** - «относиться к кому-, чему-л. с отвращением, презирать».

У В. Даля дается следующее толкование: «презирать, отвращаться с негодованием, омерзением, почитать гнусным, себя недостойным». Глагол образован от существительного **гнушина** - «нечистое животное, гадина, иногда и досадное насекомое: крыса, мышь, крот; овод, муха, комар...» - и обусловлен коннотацией негативной оценки мотиватора. Словарь Академии Российской отмечает глагол **ехидствовать** - со значением «ненавидеть, злиться», мотивированное оценочно-эмоциональным восприятием мотиватора **ехидна** - «ядовитая змея длиной 2 фута». Более поздние глаголы *звереть*, *зверствовать*, *вызвериться* мотивированы негативной оценкой исходного «зверь», его враждебностью по отношению к человеку. Отрицательный модус имеет «собака» в наименовании *рассобачиться* - «плохо вести себя», ведь первоначально - это существо из враждебного человеку мира, волк (ср. также *присобачить* - «плохо прибить, присоединить», *собачья жизнь* - «плохая жизнь»), «крыса» как вредное, опасное, вызывающее неприязнь животное в *окрыситься* - «злобно, раздраженно

ответить; рассердиться на кого-л.», «бес» в *бесить* - «приводить в крайнее раздражение, ярость; сильно сердить» и т.д. В акте наименования человек из множества данных, которые поставляются нашими чувствами, устанавливает определенные фиксированные центры восприятия. При выделении предмета из ряда других происходит, по выражению В.Г. Гака, «поворачивание» его разными сторонами к субъекту. Человек видит эти разные стороны, но не все в одинаковой степени отчетливо - в связи с практическим освоением данного объекта в

соответствии с интересами и целями данного языкового коллектива [25, с. 49 - 50].

5. Последнюю, маргинальную группу составляют эмотивы с «парадоксальной внутренней формой» [26]. К числу таких экспрессивов относятся разговорные, просторечные или, чаще, жаргонные глаголы типа **тащиться** - 1) «получать удовольствие от кого-чего-л., радоваться кому-чему-л.»; 2) «удивляться, восторгаться» [27]; **огорошить** - «неожиданно удивить»; **втрескаться** - «сильно влюбиться»; **намозолить** (глаза) - «надоесть»; **канифолить** (мозги, душу) - «надоедать, изводить, пытаться воздействовать на кого-л.; лгать, обманывать; стараться запутать, сбить с толку» (Словарь русского арго); **тараканничать** - «дурачить»; **подкузьмить** - «ловко провести, обмануть» и т.д.

Для данной группы характерна чисто формальная (М. Раммельмайер), или условная (О.П. Ермакова, Е.А. Земская) мотивация. Сущность такой мотивации описана М. Раммельмайером: «Вызванные ясной формальной мотивацией произвольные поиски семантической мотивации тем более увеличивают экспрессивность производного, чем больше разрыв между производным и производящим [28, с. 189 - 190]. Ученые пытаются найти объяснение таким псевдомотивам. По мнению Т.В. Матвеевой, формальные, или условные, мотиваторы представляют собой «даже не намек, а загадку» [26, с.119]. Х. Касарес пытается объяснить случайность выбора этих мотиваторов «внезапной ассоциацией представлений, душевным возбуждением, заставляющим стремиться к особой экспрессивной насыщенности речи; возможно ради комического эффекта или из желания обратить на себя внимание говорящий отбрасывает общепринятое слово и заменяет его другим, употребляющимся в необычном для него значении» [29, с.112]. В таком случае, по выражению Е.А. Селивановой, псевдомотивы являются рефлексам концептуального плана ментально-психонетического комплекса [21, с.178]. Отмечается также, что «псевдомотивы со временем могут получать новое объяснение и становиться мотивированными, создавая новые коннекции в ментальном лексиконе и концептосистеме» [там же]. Ср., **огорошить** - «поразить, озадачить чем-л. неожиданным; ошеломить» и **сморозить** - «сказать что-л. нелепое, глупое, вздорное» как слова с уникальными по содержанию корнями имеют разную интерпретацию. И.С. Улуханов относит их к единицам с парадоксальной внутренней формой. М.Н. Янценецкая - к ассоциативным дериватам, где **огорошить** может быть представлено как связанное сложными ассоциативными узлами с мыслью о «вызывающем удивление напоре, силе, с которой сыплется горох», а **сморозить** может быть ассоциировано со смыслом «неожиданный мороз испортил что-л., разрушив обычный вид и свойства предмета» (ср., например, цветы, растения после заморозков) [20, с.50].

Литература:

1. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. – М.-Л., 1934.
2. Кафтанова Г.М. О месте эмоций в процессе отражения. Дисс. .. к. ф. н. Томск, 1974.

3. Лейн М.Д. О структуре понятия, передаваемого эмоциональным значением слова и методе его исследования // Системное описание лексики германских языков, Вып. 1. – Л., 1976.
4. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск, 1989.
5. Уфимцева А.А. Лексическое значение: (Принципы семиологического описания лексики). – М., 1986.
6. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985.
7. Кузнецов А.М. Проблемы компонентной семасиологии (от компонентного анализа к компонентному синтезу). Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М., 1992.
8. Балли Ш. Французская стилистика. – М., 1961
9. Квасюк И.И. Структура и семантика отрицательно-эмотивной лексики: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1983.
10. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 1976
11. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: (Оценка. Событие. Факт). – М., 1988.
12. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986.
13. Бацевич Ф.С., Т.А. Космеда. Очерки по функциональной лексикологии. – Львов, 1997.
14. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М., 1998.
15. Иорданская Л.Н. Попытка лексикографического толкования группы русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 16. 1972.
16. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М., 1983.
17. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977.
18. Лопатин В.В. Метафорическая мотивация // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд, 1975.
19. Улуханов И.С. О степенях словообразовательной мотивации // В.Я. 1992. №5.
20. Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. – Томск, 1979.
21. Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология. – Киев, 2000.
22. Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
23. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс. 1991.
24. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М., 1994.
25. Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977.
26. Матвеева Т.В. Парадоксальная внутренняя форма слова (на материале диалектных глаголов) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 8. – Новосибирск, 1979.
27. Елистратов В.С. Словарь русского арго. – М., 2000
28. Rammelmeyer M. Emotion und Wortbildung. Untersuchung zur Motivationsstruktur der expressiven Wortbildung in der russischen Umgangssprache // Gattungen in der slavischen Literaturen. Köln Wien 1988.
29. Касарес Х. Введение в современную лексикографию. – М.: Учпедгиз, 1958.

